

KI 1257939

00

КАМЕРНЫЙ

Ж

А

Н

Р

Татьяна Оманова

КАМЕРНЫЙ ЖАНР
Стихи

K-1257939

Вологда
«Евстолий»
1995

4
-ББК84
057

P2-1 кр-кн-61

Оманова Т.

057 Камерный жанр: Стихи. – Вологда:

Издательство: «Евстолий», 1995. – 16 с.

Писать, чтобы жить, или жить, чтоб писать –
безразлично.

О чем и о ком – все равно, лишь бы петь –
на заре, на закате...

Не думать о том, что прилично и что не прилично,
Не думать о прошлом, не думать о пище, о платье,
Не думать, не помнить... Уйти в никуда,
в неизвестность.

Ступеньками в бездну, в безмолвие, в серое небо.
И взглядом с небес озирая печальную местность,
Не думать о жизни, о смерти, о звездах, о хлебе...

Философствую. Угли в камине
Темно-красным мерцают огнем.
Я о вечном: о прахе, о глине –
Все когда-нибудь в землю уйдем.
Философствую. В белой кастрюле
Нагреваю густое вино.
Дома тихо. Соседи уснули.
Все соседи уснули давно.
Философствую. Сыплются звезды,
Как усталые яблоки вниз.
Очень поздно. О, Боже, как поздно!
Это все называется жизнь?..

Пена шампанского. Полночь. Печальный итог.

– Кой тебе годик?

– Да что там считать эти годы.

Рифмы привычные нижешь под шум непогоды.

Ветер в окно. Ты один. И никто не помог.

Ты одинок. Да и ветер в миру одинок.

Дождь в феврале – это ж надо такому случиться –

С ветром полуночным вместе в окошко стучится,

Если откроешь, он лужею ляжет у ног.

Ветер... И дождь... И шампанское. И неизбежность.

– Кой тебе годик?

Да тридцать седьмой миновал.

Что впереди?

Пустота, и обрыв, и обвал

В прошлое, ад, и в любовь, и в крошечную нежность...

Все так не ново в этом старом мире.

– Поэт, о чем бречешь на ветхой лире:

О том, что ты устал, а мир оглох?

– Нет, я пою о счастье ,видит Бог.

Отгремело. Отгорело. Отлетело.
Синей глыбой льда застыло тело.
А душа отправилась туда,
Где черна глубокая вода.
Пруд бездонен. Истина проста:
Весь полет – от вдоха до креста.
Миг полета. Вечности провал.
И другого мир пока не знал.

Линии ливня расчертят пустое пространство.
Страсть к геометрии, видимо, неистребима:
Сектор любви /как прекрасно быть чьей-то любимой/,
Угол безумия, белый квадрат постоянства...
Линии ливня – отвесные, хлесткие плети.
Купол зонта разноцветного – вроде бы крыша.
Низкое небо водой истечет и поднимется выше
Вместе со мной и с тобой... Ты опять не ответил.
Ладно, давай помолчим. Так, наверное, проще.
Легче, наверное, молча. Живем ожиданьем.
Линии ливня разделят пустыню молчанья
На острова отчужденья. В плачущей роще –
Трупы органов. И струны золотой арфы
Порваны ветром и временем. Кончился ливень.
Кончится все, что казалось мне вечным и длинным,
И прорастут сквозь печаль бесконечные травы.

Я точно знала, как не нужно жить.
Еще о чем-то догадалась тоже.
Блестящая серебряная нить –
Нить паутины – прикасалась к коже.
Ты помнишь прошлой осени обвал –
Вихрь глупого нелепого разлада –
Безумный праздник, сумасшедший бал
Среди почти сплошного листопада.
Кружился дым. Горела пустота.
И дом был недостроен, но разрушен,
И бледная наивная мечта
Слепой луною отражалась в луже.
Вот так и жили. Жизнь сошла на нет.
Но мы с тобою доживем до завтра.
И, может быть, зажжем неяркий свет
В июле, наступившем после марта.

«Я увидел во сне можжевельный куст...»

Н. Заболоцкий

«Я увидел во сне барбарисовый куст...»

Сон был странно-тревожен, отчаянно-пуст:

Темно-алые брызги на голом кусте,

Снежно-белая птица на сером кресте...

Сон был труден и долг. Он длился века.

По нему протекала большая река,

Говорила со мной на немом языке,

Оставляя меня с пустотою в руке.

Все смывала вода, уносила с собой.

В пустоте загорался огонь голубой.

Барбарисовый куст расцветал по весне...

Это было во сне... Это было во сне...

Холодные звезды и черное пламя
Мучительной ночи... Старею... Старею...
Почти ничего не осталось на память:
Кусты облетели, костры догорели,
Кресты покосились.

Погосты... Погосты...

Пустые проселки... Густые туманы...
Сидят за столом обреченные гости
И пьют молоко из граненых стаканов.
А там – на востоке – полоска рассвета.
Холодные звезды сгорят и растают.
Закончится, все же, когда-нибудь это
Безумное время...

Не знаю...

Не знаю...

Гармония формул, и чисел, и звуков, и жестов.
Смешное начало, почти безупречный конец.
Ненужные истины, тусклый тревожный свинец
И в небе – звезда из колпачей заплаканной жести.
Кончается как-то двадцатый замученный век,
Кончается так же второе тысячелетье.
Мы сами не знаем, за что мы сегодня в ответе,
Мы сами не ведаем, что натворил человек.

И девочка в печали подвенечной,
И женщина, которой нет конца,
И тень безумья на челе старухи...
И что еще? Фарфоровая чашка,
Которая почти совсем разбилась?
Осколок зеркала? И яблока огрызок,
Коричневый и сморщенный?..

К чему
Бесмысленных вещей перечисленье?
Наверное, чтобы сказать в конце,
Что все кончается: и девочка, и жизнь.
Печаль проходит. Остается время.
Зачем же столько слов? Молчи.

– Молчу.

Бледно-розовый край невысокого неба,
там, где солнце всплывает подводною лодкой,
чуть качаясь в волнах облаков и тумана,
обрывается в бездну...
– Потихе. Потихе. Не лети. Ну подумай,
тебе на работу.
На работе все то же, все те же:
коллеги и начальники...
– Слушай, а если все прямо,
не сворачивать, голос рассудка не слушать?
– Я не знаю, что будет. Наверное, небо, может быть,
даже вечность, а может быть, бездна...
И всплыву я тогда над печалью и бытом,
как подводная лодка в степях Украины

Стихи... Поэзия... Рифмуется с панелью
Шанель, потом с Бродвеем Монпарнас...
Рю де ля Рюс... Но это не про нас.
И к лучшему. И, в общем, все нормально.
У нас река. А там – Олимп, Парнас.
У нас течение. А у вас значенья
Какого то нездешнего слова
У вас – веселье, а у нас – мученье,
Но это все не стоит ни гроша.
Зеленый змей, залетная душа, покойный бред,
Ведущий в бывший замок из пыли и песка,
Вкус мятных капель, запах лпсестка,
Дрожащего в магнитных цепких лапах...
Оставь. Пусть этот полувольный бред
Спасет меня от плена медитаций.
Оставь меня. И не читай нотаций.
Стихи... Поэзия... Слова, которых нет...

Город дремлющих окраин –
Место ссылки под надзор.
Маленьким, нестрашным раем
Мне казался детский двор.
А за два квартала рядом.
Где кончаются дома –
Чьим-то бредом или адом –
Пересыльная тюрьма.
Обреченный на свободу,
Ты ни в чем не виноват.
И в одну смотрелись воду
Детский рай и взрослый ад.